

Отзыв на диссертацию
Олега Сергеевича ВОСКОБОЙНИКОВА
«Scientia naturalis и стили мышления в Западной Европе
ХII–ХIII веков: тексты, образы, идеи»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.03 – всеобщая история

Представленное на рецензию диссертационное сочинение Олега Сергеевича Воскобойникова производит по прочтении самое благоприятное впечатление и буквально подавляет объемом собранной в нем информации, количеством задействованных источников и специальной литературы. Посвящена эта работа сюжетам, практически не исследованным в отечественной исторической науке, – становлению *scientia naturalis*, «науки о природе» или «естествознания», т.е. знаний о мире и человеке, их развитию в ХII–ХIII вв., их сложных связей с общим интеллектуальным фоном эпохи.

Сам автор определяет свое исследование как историю интеллектуальной культуры (С. 4). Я бы однако сказала, что подход О.С. Воскобойникова значительно сложнее: он сочетает и историю научной мысли, и политическую историю, и искусствоведение, и историю философии, и текстологию. Иными словами, перед нами – полноценное междисциплинарное исследование, что представляется совершенно оправданным при изучении картины мира средневекового человека: только такой подход позволяет исследователю учесть многофакторность обстоятельств, эту картину определяющих.

Собственно предмет исследовательского интереса О.С. Воскобойникова составляют даже не сами зародившиеся в ХII в. и продолжившие свое развитие в ХIII в. определенные научные идеи и доктрины, но поиск тех познавательных приемов, которые привели к их рождению; не статика, а динамика – взаимодействие и преемственность в творчестве отдельных авторов, в двух, казалось бы, столь непохожих друг на друга эпохах – ХII и ХIII столетиях.

Данная задача представляется не только нетривиальной, но и реально сложной, ведь никто из изучаемых средневековых сочинителей никаких специальных подсказок, касающихся способов их мышления, нам не оставил. С осознанием этой трудности связаны прежде всего методологические основы диссертации, которая предлагает читателям в первую очередь тончайший текстологический анализ многочисленных источников. Автора при этом интересует не только и не столько их содержательная сторона, сколько риторика и интенции их создателей, выявление внутренней структуры сочинений, особенности использования различных смыслов слов и выражений.

Что же касается самой источниковой базы исследования, то один лишь список привлеченных О.С. Воскобойниковым текстов занимает в диссертации 15 страниц (С. 635-650). К ним, однако, надлежит добавить огромный свод визуальных памятников эпохи Средневековья (начиная архитектурой романских и готических соборами и заканчивая миниатюрами в рукописях), которые представляют совершенно отдельный интерес для автора и которым посвящен специальный раздел его диссертации (Глава 5, С. 484-618). Многие из этих источников (как письменных, так и визуальных) анализируются в работе О.С. Воскобойникова впервые, часть текстов (рукописей прежде всего) впервые вводится в научный оборот, для других предложена совершенно новая и порой неожиданная трактовка.

Историографический раздел диссертации заслуживает, на мой взгляд, отдельного упоминания. Редко можно встретить работу, где были бы учтены практически все, даже крайне редкие и незаметные публикации, посвященные, казалось бы, самым частным вопросам. Тем не менее, в данном случае мы имеем дело именно с таким исследованием: О.С. Воскобойников блестяще владеет историографией вопроса, и его размышления (особенно касающиеся так называемого поколения 1900 г., С. 15) заслуживают, как мне представляется, самостоятельной публикации.

Диссертация О.С. Воскобойникова состоит из введения, в котором убедительно обоснована актуальность исследования и сформулированы его цели и задачи, приведены обзоры источников и историографии; пяти глав, разделенных на параграфы; заключения; списков источников и литературы. К ним примыкают четыре приложения, в которых представлены переводы некоторых, особо ценных для концепции автора средневековых сочинений, а также комплекс из 107 иллюстраций к тексту диссертации, в действительности являющийся самостоятельным объектом анализа.

Первая глава диссертации «Модели познания и стили мышления в XII-XIII вв.» (С. 82-189) представляет собой своеобразную подводку к основным проблемам, интересующим автора. Речь здесь идет прежде всего о средневековом понятии Божественного чуда в его сложных и противоречивых соотношениях с пониманием «земного», человеческого любопытства, толкавшего средневековых мыслителей к познанию окружающего мира. Природа, полагаемая ими как безусловное Божественное творение, в то же время рассматривалась ими как объект, который поддается (или не поддается) научному изучению и осмыслению. Этот-то мыслительный парадокс и интересует О.С. Воскобойникова, поскольку именно он выступает в работе точкой отсчета для последующего анализа споров о природе и границах человеческого познания в целом в сочинениях европейских интеллектуалов XII-XIII вв. – споров, в которых они опирались как на собственный опыт, так и на опыт – реальный или вымышленный – авторитетов прошлого (Аристотеля, Улисса, Соломона).

Вторая глава диссертации «Шартрская школа и рождение науки о природе» (С. 190-298) очевидным образом наиболее значима как для самого автора, так и для всего его исследования. Здесь самым скрупулезным образом рассмотрены как собственно явление Шартрской школы, так и ее роль в формировании нового и совершенно особого взгляда средневековых интеллектуалов на окружающий мир. Таким образом, данная глава является

первым в мировой историографии синтезом наших знаний о шартрских интеллектуалах, способах их самовыражения, особенностях риторики, основных направлениях научного поиска, их главных произведений и т.д.

Третья и четвертая главы диссертации – «Наследие Шартра. Человек и космос» и «Проблемы христианской антропологии» (С. 299-483) – подробно рассматривают то влияние, которое оказала Шартрская школа на последующие поколения средневековых мыслителей (преимущественно во Франции и Италии) в представлениях о космологии, астрономии и астрологии, а также о месте человека в окружающем мире.

Завершает исследование пятая глава «Картина мира в изобразительном искусстве» (С. 484-618) – самая, возможно, спорная и субъективная из всех, поскольку посвящена она чрезвычайно сложной для изучения теме – попытке прояснить роль художников (миниатюристов, скульпторов, архитекторов) в создании определенной «научной» картины мира в XII-XIII столетиях, в знании средневекового человека о природе и о нем самом.

В заключении к диссертации подводятся итоги проведенного исследования, делается вывод о существенном изменении и усложнении средневековой картины мира вслед за появлением и постепенным развитием «науки о природе». Немалую роль в этом процессе, как убедительно демонстрирует О.С. Воскобойников, сыграла так называемая Шартрская школа, формально не являвшаяся ни школой, ни университетом, однако создавшая в XII в. и сохранившая некую, достаточно четко вычленяемую по сочинениям авторов этого круга концепцию устройства мира. Именно эти произведения оказали важное влияние на развитие представлений о природе и человеке в последующем, XIII столетии, что подтверждается данными как письменных, так и художественных источников.

Представленные в заключении выводы О.С. Воскобойникова выглядят убедительными, логически обоснованными и фундированными. Они

основаны на блестящем знании и анализе как источников, так и существующей историографии. Таким образом, диссертационное сочинение О.С. Воскобойникова представляет собой серьезнейший вклад в мировую историческую науку и практически первый в отечественной медиевистике полномасштабный труд по истории становления и развития средневековой «науки о природе».

И все же – при всей масштабности проведенной О.С. Воскобойниковым работы – его диссертационное исследование не лишено, как представляется, некоторых недочетов. Большинство из них носят не самый принципиальный характер, но на них следует, как мне кажется, обратить внимание.

Прежде всего хотелось бы сказать несколько слов о вводимом в диссертации понятии «стиль мышления», которое является наиболее значимым для научной концепции автора, но содержанию которого, на мой взгляд, он все же не уделил должного внимания. Насколько можно понять из вводных рассуждений О.С. Воскобойникова, под «стилем мышления» он понимает «мысль, нуждающуюся в выражении в слове, предмете или художественном образе», «идеи, отразившиеся в текстах и образах» (С. 5), «форму смысла» (С. 7-8). По-видимому, речь все же идет об истории идей (их зарождении, утверждении и последующем развитии) – определении, ни чуть себя не скомпрометировавшем в глазах историков. Тем не менее, О.С. Воскобойников вводит в научный оборот собственное понятие, еще более запутывая читателя в заключении к своему сочинению. Здесь автор проводит некую классификацию изученных им «стилей мышления», присущих, с его точки зрения, европейским интеллектуалам XII-XIII вв., но деление это производится по весьма спорным, на мой взгляд, принципам. Выделенные О.С. Воскобойниковым «аскетический», «астрологический», «энциклопедический», «пессимистический» и «физиогномический» стили мышления (С. 619-621, 623-624) сложно увязать друг с другом. Эти

определения происходят из разных языковых регистров и представляют собой – как и, к примеру, «потестарная имагология» или «место памяти» – искусственные конструкты, придуманные и введенные в оборот удобства ради современными исследователями, но не существовавшие в средневековую эпоху. А потому, как мне кажется, использование понятия «стиль мышления» – тем более, в качестве одной из основных понятийных категорий – требовало бы значительно более продуманного и аргументированного обоснования.

Некоторое смущение вызвало у меня и постоянное использование О.С. Воскобойниковым такого, со школьной скамьи знакомого нам термина как «гуманизм» применительно к эпохе XII-XIII столетий. О Возрождении (или Ренессансе) XII века мы, конечно, уже читали. Но существование «гуманизма XII в.» вызывает у меня определенные сомнения. Хотелось бы увидеть в диссертации более внятное обоснование использования этого определения и производных от него (С. 28, 37, 97, 207, 213, 238, 296, 415 и др.), которые на данный момент оставлены в тексте практически без пояснений, хотя – как и понятие «стиль мышления» – относятся, очевидно, к основополагающим для автора.

В пассаже, где речь идет о судебном преследовании «Астрологии» Георгия Фендула, приговоренной к сожжению, автор проводит смелую параллель между астрологическими сочинениями и «магическими изображениями», в изготовлении которых обвиняли своих подопечных авторы «Молота ведьм» (С. 390). Как представляется, это сравнение невозможно хотя бы по той причине, что «образы», которыми оперировали колдуны и ведьмы, никогда не являлись книгами: это были амулеты, восковые фигурки и прочие таинственные предметы, проходившие на ведовских процессах в качестве вещественных доказательств. Именно отсутствием книг с содержащимся в них «учением» ведовские секты и отличались от еретических.

Трактовка образа Синагоги, лишенной, по мнению автора, «пророческой дальновидности» (С. 450) также, на мой взгляд, заслуживает уточнения. Завязанные глаза персонификации Синагоги на средневековых соборах или на миниатюрах имели и иную интерпретацию. Синагоге, ставшей прототипом Госпожи Правосудия (будущей Фемиды), не обязательно было видеть перед собой участников судебного процесса: суть спора она могла постичь при помощи внутреннего зрения. В основе такой интерпретации лежало библейское утверждение о том, что евреям не следует видеть образ Господа: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им...» (Исх. 20, 4-5). См. об этом: *Besançon A. L'image interdite. Une histoire intellectuelle de l'iconoclasme. P., 1994; Jacob R. Images de la justice. Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen Age à l'âge classique. P., 1994.*

В связи с этим вызывает возражение и утверждение автора о том, что средневековая интеллектуальная элита лучше была знакома с Новым, а не с Ветхим Заветом (С. 515). Здесь хотелось бы сослаться всего на одно исследование – работу Филиппа Бюка, которая, как кажется, полностью лишает данное заявление оснований: *Buc P. L'ambiguïté du Livre. Prince, pouvoir, et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age. P., 1994.*

Некоторых библиографических дополнений заслуживают, на мой взгляд, и другие разделы диссертации, несмотря на то, что список использованной О.С. Воскобойниковым специальной литературы внушает исключительное уважение. В частности, по проблеме *discretio spirituum* (С. 85) существует более свежая литература, нежели статья А. Клайнберга 1989 г., причем не только иностранная, но и отечественная (*Kleinberg A. Prophets in Their Own Country: Living Saints and the Making of Sainthood in the Later Middle Ages. Chicago-L., 1992; Caciola N. Discerning Spirits: Divine and Demonic Possession in the Middle Ages. N.Y., 2003; Joshikawa N.K. Discretio*

spirituum in Time: The Impact of Julian of Norwich's Counsel in the "Book of Margery Kempe" // The Medieval Mystical Tradition. Exeter Symposium VII / Ed. by E.A. Jones. Cambridge, 2004; *Elliott D.* Proving Woman: Female Spirituality and Inquisitional Culture in the Later Middle Ages. Princeton, 2004; *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб., 2016).

То же самое касается и очень любопытного пассажа о восприятии снов в средние века (С. 251 и след.), особенно применительно к «Плачу Природы» Алана Лилльского. Здесь можно было бы обратить внимание на одно из последних обобщающих исследований средневекового восприятия сновидений – диссертацию Эмбер Роуз Дунай (*Dunai A.R.* Dreams and visions in Medieval Literature. PhD. Texas A&M University, 2015), а также на специальный анализ сновидения в риторике Алана Лилльского, данный Уильямом Бургвинклом (*Burgwinkle W.E.* Sodomy, Masculinity, and Law in Medieval Literature. France and England, 1050-1230. Cambridge, 2004). Разговор же о средневековой иконографии иудеев (как сугубо отрицательных персонажей, С. 604-605) следовало вести с учетом двухтомного исследования Рут Меллинкофф: *Mellinkoff R.* Outcasts. Signs of Otherness in Northern European Art of the Late Middle Ages. Vol. 1, 2. Berkeley, 1993.

Некоторые вопросы вызывают и принципы цитирования латинских выражений в тексте диссертации. С одной стороны, важные для понимания замысла автора латинские термины даются в диссертации в довольно вольном переводе: например, *grammaticus* превращается в «литературоведа» (С. 219). С другой стороны, некоторые значимые понятия оставлены в тексте вовсе без перевода: *imperare*, *gastaldus* (С. 405), *locus amoenus* (С. 440).

На С. 190-191 сообщается, что св. Иво Шартрский «создал школу», т.е. «построил» ее. Однако, не приводится латинский оригинал цитаты, по которому можно было бы судить, о каком именно «создании» могла бы идти речь – о буквальном строительстве здания или все же об обретении учеников и последователей (о чем, собственно, и идет речь в диссертации). Далее

упомянут совсем незнакомый русскому читателю термин «астромагия» (С. 373, 390-394), которым активно пользуется автор, никак его при том не поясняя и не проводя различий с обычной «астрологией», хотя именно под таким именем демонологи позднего Средневековья и раннего Нового времени и знали гадание по звездам.

Что же касается в целом текста рассматриваемой диссертации, то нельзя не упомянуть, что она написана прекрасным литературным языком. В ней, несмотря на внушительный объем, почти не встречаются ошибки или опiski. И все же к стилю изложения можно предъявить одно замечание: он слишком ясный и гладкий, в нем порой полностью отсутствуют проблематизация того, о чем рассуждает автор, из него убраны любые полемические пассажи, и преобладает описательность. Особенно это относится к первой главе диссертации и, возможно, объясняется ее вводным характером. Однако, любопытную полемику автора с А.Я. Гуревичем относительно мировосприятия средневекового индивида и, в частности, сложных взаимоотношений Абеяра с Бернаром Клервосским можно было (и следовало бы) перенести из примечаний в основной текст (Глава 1, § 2).

Наконец, буквально два замечания касаются заключительных разделов диссертации. В списке использованных при работе рукописей (С. 634) хотелось бы видеть не только номера кодексов, приведенных согласно библиотечным каталогам, но и названия самих произведений, скрывающихся под этими номерами. А в приложении I (С. 713-752), содержащем переводы латинских сочинений, выполненных автором, было бы совсем не лишним указать, с каких именно рукописей или изданий эти переводы делались.

В заключение следует отметить, что все перечисленные выше дискуссионные вопросы и замечания никоим образом не умаляют ценность проведенного О.С. Воскобойниковым исследования: они касаются частных его сторон или же предлагают пути для более углубленного исследования заявленной темы.

Представленное на рецензию диссертационное сочинение, вне всякого сомнения, выполнено на высочайшем профессиональном уровне и представляет собой существенный вклад в современную историческую науку – как отечественную, так и мировую. Исследование О.С. Воскобойникова с полным правом можно определить как весомое приращение гуманитарного (в самом высоком смысле этого слова) знания о человеке прошлого и особенностях его мировоззрения. Текст автореферата и публикации автора, в том числе указанные в автореферате статьи в журналах, включенных в Перечень изданий ВАК РФ, в полной мере отражают содержание диссертации.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертационное исследование Олега Сергеевича Воскобойникова является научной квалификационной работой, в полной мере отвечающей требованиям ВАК п. 9 Положения «О порядке присуждения ученых степеней», № 842 от 24 сентября 2013 г. и соответствует паспорту специальности 07.00.03 – всеобщая история. О.С. Воскобойников заслуживает присуждения ему степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история.

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

О.И. Тогоева

1 сентября 2018 г.

Подпись *Тогоевой О.И.*
удостоверяю:
Заведующий отделом кадров *И.И. Кузнецова*
ИВИ РАН

Адрес: Институт всеобщей истории РАН,

119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а,

dir@igh.ru